

ОТКРЫТОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ: ДАННОСТЬ И ЗАДАНИЕ

Когда какие-то слова слышишь очень часто и в большом количестве, начинаешь невольно воспринимать их так, как будто за ними стоит какая-то первичная, подлинная и безусловная реальность. Подчас, однако, в них выражено то, что рисуется, притом довольно смутно, лишь воображению говорящего. Смешивание одного с другим делает мало продуктивной любую дискуссию по их поводу.

К примеру, Открытое Образование – что мы под ним разумеем?

Нечто, уже нам данное (хотя бы в описании, указывающем способ его практической реализации)?

Или это пока только задание – идея, интенция, исходный замысел, – властное побуждение к надлежащей разработке?

Скорее второе, и тогда любопытно взглянуть: не пересекается ли оно в чем-то с другим, столь же общим заданием (на деле даже с двумя): гуманизацией образования посредством его информатизации?

Звучит парадоксально: информатизация по определению технологична, – с какого боку ей что-либо гуманизировать?

Разрешить парадокс легче через ряд дополнительных вопрошаний.

Почему так громко звучат искренние (бывают и лицемерные) призывы сделать образование гуманизированным, информатизированным и открытым?

Наверное, потому, что нынешнее образование отнюдь не таково.

Оно названными свойствами либо совсем не обладает, либо обладает далеко не в той степени, в какой хотелось бы.

Оно не гуманно, оно не информативно, и оно закрыто.

Гуманность, то есть человечность образования; его информативность, или, что-то же самое – насыщенность истиной, делающей нас свободными; и его открытость, то есть способность воспринимать новое, учиться и расти, нам еще не даны.

Тут, как уже сказано, все для нас покамест не данность, но лишь задание.

Ясно ли мы понимаем, в чем оно, это тройственное уже задание, действительно состоит?

По какой причине, откуда, каким путем столь вожаделенные, но сейчас отсутствующие свойства могут сегодня или завтра в нашем образовании возникнуть? Из чего они должны складываться? Как мы вообще их себе представляем?

Вот еще несколько вполне оправданных вопросов:

Что привело образование к столь бедственному состоянию? Всегда ли оно в нем пребывало, или когда-то дело обстояло иначе? Скажем, до поры все было хорошо, а потом с образованием произошло какое-то несчастье? Оно подверглось какому-то губительному воздействию извне? Или изнутри у него завелась какая-то порча?

Хорошо бы на сей счет хоть что-нибудь, да знать: иначе все наши призывы, твердые намерения и торжественно провозглашаемые цели рискуют остаться пустыми мечтаниями, а все усилия, потраченные на их достижение, уйти в песок.

Вопросы мои, конечно, наивны и смешны, но меня не устраивают банальные ответы, лежащие на поверхности.

"Научные" же понятия, категории и термины слишком туманны, расплывчаты, допускают множество толкований.

Возьмем «информатизацию», тяготеющую к наиболее операциональным определениям, – в чем ее образовательный смысл? Он вовсе не исчерпывается повсеместной установкой компьютеров с мультимедиаальным софтвером, снабженных принтерами, сканерами и видеопроекторами и подключенных к Интернету. И даже приобретением пресловутой компьютерной грамотности.

В недавних Рекомендациях ЮНЕСКО твердо (и справедливо) сказано: внедрение информатики, информатического мышления и Новой (информационной) Грамотности возможно и без перечисленных аппаратных и программных продуктов (что, разумеется, нисколько не уменьшает их значимости).

Вообще: если институт образования, как средство трансляции культуры, имманентен любому человеческому обществу, то ему так же имманентна тяга к растущей (само-)информатизации.

Напомню хрестоматийные примеры.

История человеческой культуры, начатая с появлением языка, знает три эпохальных рубежа такой информатизации. Каждый ознаменован созданием соответствующих информационно-коммуникационных технологий. Это изобретение пластически- и графически-изобразительного искусства; изобретение письменности и изобретение печатного станка с подвижными литерами.

Я нарочно называю пока три "старых" информационных технологии, возникших до второй промышленной революции. Между рождением каждого из них проходили многие тысячелетия.

А потом за каких-нибудь двести лет на человечество обрушивается целая их лавина. Непрестанно ускоряя темп бегут, напирают и подгоняют друг друга оптический и электрический телеграф, фотоаппарат, телефон, настольная пишущая машинка, кинематограф, фонограф, радио, телевидение и, наконец, электронно-цифровые устройства, интегрирующие их в нечто единое.

Эра компьютеров убедительно доказывает: все это тесно сцепленные звенья одной культурно-исторической цепи; закономерные ступени лестницы информатизации.

Конечно, прогресс ее шел далеко не гладко. Там были свои взлеты и падения, прорывы и тупики, отважные атаки и трусливые ретирады. Ограничение доступа к источникам, сожжение книг и казни многознающих практиковались издревле. Тоталитарные режимы двадцатого века не внесли сюда таких уж оригинальных инноваций, хотя и прославились мегамасштабами. Внутри самого образования слишком часто брали верх группы, партии, и клики, убежденные в своем непререкаемом праве деспотически судить, решать и

устанавливать, в чем, как и насколько образуемые (включая их учителей) должны быть информированы, или наоборот, погружены в бездну невежества.

Нетрудно вообразить, как все это корелировалось с показателями гуманизации и открытости в том или ином обществе в ту или иную эпоху. Не забудем также, что в зависимости от того, в чьих руках находятся самые передовые информационно-коммуникационные технологии, последние могут служить орудием самой гнусной лжи, или, как выразился один современный наблюдатель, распространять по всей земле со скоростью света непроглядный мрак.

Помня о сказанном взглянем теперь на проблему *гуманизации образования*, неотделимую – подчеркнем это со всей убежденностью – от его *информационно-технологической* составляющей.

На протяжении своей истории образование гуманизировалось по мере возрастания *личностного* элемента во взаимоотношениях учителя и ученика. Эпохальным рубежом стал переход от племенного многобожия к монотеизму мировых религий. То есть от языческого обожествления стихий и самого племени с доминацией коллективных установок рода над каждым его членом; к осознанию человеком права собственного выбора и неотменимой индивидуальной ответственности перед лицом трансцендентного бога-творца.

Первым земным учителем нового типа считают праотца Авраама. Наиболее развитую персоналистско-гуманистическую и, если угодно, "информатическую" доктрину открытого образования мы находим у великих докторов (отцов/учителей) церкви. Беда в том, что практика христианского образования не всегда точно следовала ее теории, а частенько и резко с ней расходилась.

(А.Ф.Лосев дает длинный перечень значений пифагорейского термина "теория" у Платона: от "священного празднества" до "блаженного созерцания истинно-сущего". Бертран Рассел вслед за Корнфордом исходно истолковывает его как "страстное и сочувственное созерцание", при котором "зритель отождествляет себя со страдающим богом, умирает с его смертью и рождается снова вместе с его возрождением".)

К иудейской вере в то, что человек создан по образу и подобию Божию, наделен свободной волей и призван к космическому сотворчеству, восточно-христианские теологи добавили дарованную ему возможностью *обожения*. Иными словами, при неусыпном труде и учении у каждого человека есть шанс со временем приобщиться божественному всеведению и всемогуществу. Христианское образование понимало себя как преимущественно *творческое*, безусловно *открытое* и готовящее ученика к обещанной ему встрече со Всевышним. Соответствующие принципы, цели, пути, средства и учебные формы прямо выводились из признания высочайшего достоинства человека. Ни одна из последующих концепций гуманизма не предлагала чего-либо более вдохновляющего.

Отсюда же, кстати, вполне эксплицитно вытекало и то, что можно было бы назвать *информационно-образовательным императивом*. Ведь мир творится по Слову (Дабхар – в Ветхом Завете, Логос – в Новом). Те же принципы задают открытость образования, равно как и его непрерывность, нескончаемость в течении всей земной жизни индивида. Акт сотворения мира и человека

продолжается в образовании отдельного человеческого существа, это *creatio continuo*, о чем после Джорджа (Георгия) Гамова, когда-то работавшего вместе с Бором, привычно говорят сегодняшние физики-космологи. Покуда история не кончится – образование обязано быть открытым и непрерывным.

Таково изначальное задание. А какова данность?

Наиболее "гуманистические" образовательные проекты в ходе их реализации если и не превращались в свою противоположность, то приносили малоутешительные плоды и часто давали повод обвинять их в "дегуманизации" самой идеи образования.

Простите, что повторяю и без того давно и хорошо известное. Все положительное из бегло здесь мною очерченного категорически постулировал и подробнее изложил Ян Амос Коменский. Он оставил нам многочисленные труды о придуманной и частично реализованной им «Всеобщей Школе». Что осталось от нее на практике? Окаменевший скелет и заржавевший механизм, который до сих пор хоть и трещит, скрежещет и крошится, но все еще работает, поддерживая собой официальную организационную структуру и функциональные подразделения современной системы принудительного массового образования.

Подчеркиваю: скелет и механизм, но отнюдь не живую плоть, и уж, конечно, не душу и не дух, не содержание и не смысл, состоящий, по Комениусу, в том, чтобы всю свою земную жизнь всякий готовился бы стать достойным сотрудником Господа. Подготовку же молодого поколения – обратите внимание! – следовало организовать наподобие авангардной информационно-коммуникационной технологии XVII века: *типографии*. Заметьте, речь шла не о простом тиражировании копий. Школа была призвана наносить на чистые еще листы детского сознания спасительное Слово, пронизывающее и освящающее все остальные сведения и знания; все умения и навыки полезных наук, искусств и ремесел.

Иначе говоря, сеять то духовное зерно, сообщать тот заряд неизбежной энергии, запечатлевать тот Образ, из которого прорастают, которым движутся и навстречу которому раскрываются и достигают расцвета все потенции человеческого сердца и разума.

Горькая ирония истории: сегодня нет отбоя от охотников взваливать вину за все недостатки и пороки нынешней школы именно на Комениуса. Но разве он причиной тому, что работники, пришедшие после него в построенную им "типографию" пренебрегли своей миссией, а потом, в так называемый "век разума и просвещения" прямо ее предали? Именно тогда начали видеть в учениках механические автоматы с жестко программируемым, односторонне-линейным управлением.

А потом и сами "программисты" сделались такими же. Естественно, шрифты у них сбились и стали совсем слепыми; верстка хромала и рассыпалась, *Слово* перестало быть сколько-нибудь разборчивым и вскоре было отброшено за ненадобностью. Его место заняли одни лишь только рабочие инструкции, ни к чему в собственно человеческой жизни учеников не относившиеся. Обновлять и заново набирать их типографщики уже ленились; над ними стремительно умножались ряды надсмотрщиков и вздымалась гора бюрократической

иерархии. Инерция и апатия воцарились прочно. Образование, казалось, стало самой надежной цитаделью консерватизма, о стены которой одна за другой разбивались вдребезги все попытки хоть как-то ее реформировать.

И вот мы беремся за информатизацию, гуманизацию и открытость, увенчивая их игровым подходом. Есть над чем подумать, вспоминая опыт прошлого, и вглядываясь в столь много обещающее, но все менее предсказуемое будущее.

Лучшие умы стали задумываться уже в начале уходящего сейчас двадцатого века. Как раз тогда, кстати, другие с восторгом переоткрыли заново идею игры и увидели в ней панацею. Но тогда же сразу раздалась и предупреждающие голоса.

В пьесе Бернарда Шоу "Другой остров Джона Буля" герой (социалист-утопист фабианского толка) задолго до американских хиппи-коммунаров 60-х годов экстатически восклицал: "В моих грезах. я вижу содружество, в котором работа есть игра, а игра есть жизнь... Это священная среда, где вся жизнь очеловечена (гуманизирована), а все человечество божественно... Короче, мечта идиота".

Альфред Норт Уайтхэд, выдающийся математик, логик, философ и педагог, трезво подытоживал: "факты текущего положения общества крайне далеки от подобного идеала... Работодатель, ведущий дела на своем предприятии по принципу "работа должна быть игрой", за одну неделю прогорит в пух и прах". А сразу же вслед за тем соавтор Principia Mathematica переходил к тому, что считал необходимейшей предпосылкой современного школьного обучения.

"Проклятье, тяготеющее над человечеством, состоит в том, что оно действительно должно трудиться в поте лица своего. Но разум и моральная интуиция усматривает в данном проклятии прочную основу для продвижения вперед. Ранние Бенедиктинские монахи радовались своему тяжкому труду ибо сознавали, что тем самым они делают себя соработниками Христа. Но и без теологических атрибутов существо этой идеи остается верным: труд должен наполниться интеллектуальным и нравственным прозрением и тем превращен в радость, торжествующую над его тяготами и мукой".

Благородное прозрение самого Уайтхэда до какой-то степени реализуется сегодня в новейшей практике – как "производственной", так и "учебной" (беру оба определения в кавычки, поскольку речь о случаях, когда строгую демаркацию провести не так-то просто). Я имею в виду молодежь, подростков и детей, увлеченно занимающихся сегодня информационными и коммуникационными технологиями. В интересующем нас аспекте все равно – зарабатывают ли они на том деньги или удовлетворяют страсть к познанию мира и самих себя через конструирование, игровое общение и бескорыстный обмен посланиями. Достаточно посмотреть на интенсивность их самоотдачи, персональный рост и результирующие достижения.

На наших глазах возникает сфера интегральной активности, где все теснее переплетается орудийно-ремесленная ловкость и мастерство; деловая сметка, развиваемая в непрерывном обучении, и не чуждое игре абстрактное мышление высокого уровня – для обозначения их синтеза применяют емкий неологизм: mindcraft.

Спешу предупредить: к дискретно-цифровому, технократическому и прочему виртуальному утопизму я не склонен. Двумя-тремя примерами из давних и не

очень давних времен мне хотелось напомнить о глубоких корнях обсуждаемых нами сейчас проблем и о том провоцирующем их великом *задании*, которое было поставлено отнюдь не сегодня.

Вывод представляется очевидным.

Образование изначально призвано быть открытым и неустанно сопротивляться силам, тому препятствующим. Его история в данном ракурсе отмечена как блистательными победами, так и тяжкими потерями. Нынешний образовательный кризис преодолим лишь при технологическом и духовном перевооружении всех озабоченных этим лиц, групп и сообществ.

12 октября 2000.